

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпоха домонгольской Руси, XII – первая треть XIII века, ознаменовалась в Волго-Клязьминском междуречье возникновением большого количества новых провинциальных поселений городского типа, которые в исторической литературе принято называть малыми городами. Придя на смену протогородским центрам местного финского и финно-балтского населения, они становились новыми военными, экономическими, политическими, идеологическими центрами, знаменуя вхождение того или иного региона-волости в сферу древнерусской государственности. Они становились местом окончательного формирования и дальнейшего развития городской провинциальной культуры.

В духовной сфере малых городов отразилась культура **этнически неоднородного** населения, а в основе многообразных культурных проявлений – его **мифологическое мышление**. Исследование, основанное на сопоставлении разнородных источников, выявило большое **многообразие форм** мифологической организации пространства в представлении жителей только одного малого города Волго-Клязьминского междуречья – г. Плеса. Все они базируются на всеобщей двуединой модели макрокосма: восприятие мира в горизонтальной плоскости и в вертикальном трехчастном построении. В этом убеждает рассмотрение в диссертации значительного по масштабу корпуса провинциальных городских источников. Подтверждением служит и проведенный анализ новой для малых городов категории изобразительных источников - уникального на сегодняшний день плесского собрания специальных гравированных предметов «мобильного искусства», напрямую отражающих представление авторов начертаний о макрокосме.

Совокупность всех данных убеждает, что космологические представления жителей малого города Плеса **чаще всего связывались с символикой мирового древа**. Многочисленные вещественные источники, полученные в ходе археологических работ, свидетельствуют, что горожане были знакомы с такими понятиями, как антропоморфное мировое древо (выраженное фигурой женщи-

ны или мужчины-первопредка, творца-птицы или оязыченного творца-Христа), древо подземного мира, древо как собственно дерево (чаще всего ель), как мировой столп или фалл. Безусловно, в обозначении всех этих форм раннесредневековые горожане пользовались иной, своей терминологией. В горизонтальном построении человек стремился обозначить свой мир, «освоенное пространство», представляя его своего рода островом в окружении «внешнего мира», а чаще всего видя за пределами своей территории, «на все четыре стороны», также живые иные миры. Для визуального восприятия всё это обозначалось **символикой, находящей аналоги** во многих мировых культурах, но более всего, что очевидно, **в раннесредневековых древностях автохтонного населения** исследуемого региона.

Анализ материалов Плеса и иных малых городов выявил интересную региональную (и не только региональную) особенность: **насколько неясны следы культовых действий, посвященных Верхнему миру, настолько же отчетливы и проявления поклонения миру Нижнему**. Это можно считать полностью справедливым в отношении населения плесского посада. То же касается и обитателей крепости: общепринятые представления о тесной связи дружины с культом Перуна в региональных провинциальных цитаделях XII-XIII века пока в целом не находят подтверждений. Плесское же городское святилище напрямую свидетельствует о связи провинциальной городской элиты с культом Велеса, что находит ясное отражение и в рассмотренных письменных источниках. В целом же, на фоне встреченного в провинциальных древностях большого количества символических знаков всех трех сфер макрокосма, знаки Велеса в рассмотренных нами материалах отличаются достаточно большим количеством и разнообразием. В совокупности с иного рода источниками они позволили заключить, что провинциальным горожанам божество Преисподней представлялось в образе змея (преимущественно водяного дракона, летописного «коркодила»), медведя, льва, змеи, щуки, фалла, а с распространением христианства – святого Николая Угодника.

В жизни горожан, как и в жизни селян лесной зоны Восточной Европы,

огромную роль играл природный фактор. Формы хозяйствования, еще в значительной мере присваивающего, были напрямую связаны с лесом и рекой, и ни один посадский житель, по данным исследований, не занимался исключительно только ремеслом. Принимая во внимание огромное значение божества, предоставляющего, по верованиям раннесредневекового населения, все «угодья» для получения ими жизненных благ, а кроме того, дающего и саму жизнь, мы берем на себя смелость утверждать, что **Велес был богом-покровителем Плеса, а в целом для провинциала-горожанина Волго-Клязьминского междуречья являлся наиболее почитаемым богом.**

Его культ не поколебали первые попытки **христианизации**, которые применительно к раннесредневековому малому городу пока еще **нельзя считать существенными**. Опираясь на источники домонгольского Плеса, мы вынуждены констатировать, что несмотря на вероятное присутствие в городе богородицкого храма (за пределами крепости), реальных доказательств наличия сколько-нибудь значительной группы приверженцев христианства среди населения данного малого города нет. На фоне массовых проявлений язычества и примеров «оязычивания» попадающих в малый город христианских атрибутов, общегосударственный (Владимирский) культ Богородицы, даже для городской элиты, принял форму культа небесного женского божества, а храм, по всей вероятности, воспринимался прежде всего как компонент организованного мифологического пространства в центральной части провинциального города.

Духовная жизнь любого сообщества требует своих лидеров, идеологов. Плесские источники (на фоне преимущественно письменных региональных и общерусских), позволяют в общих чертах обрисовать **фигуру провинциально-го волхва**, который предстает в качестве лидера как для простолюдинов, так и для провинциальной военной городской элиты, которую он вдохновляет и поддерживает в самые жизненно трудные моменты: в канун и в ходе военных сражений. Волхвы выступают в качестве знатоков во всех сферах жизни. Они развивают технологию самого сложного в провинции ремесла, производя ювелирные вотивные изделия. Волхвы следят за психологическим климатом в обще-

стве, за соблюдением сложившихся оптимальных норм общественной жизни. В отличие от христианских миссионеров, они пользуются безусловным авторитетом окружающих и способны своим словом поднять на протест действительно массу сторонников. **Тема волхва нам представляется ключевой в вопросе об исторических корнях русской интеллигенции.**

Феномен **чудского волхва**, сохранявшего, судя по письменным данным, свой авторитет от дорусских времен и как минимум до XVI века, позволяет нам окончательно **убедиться в глубокой преемственности духовной культуры жителей малого города и автохтонного населения** региона. Сравнивая культуры Плеса и местного доплесского центра, Алабужского городка, мы, как представляется, получаем право считать эту пару связанными генетической преемственностью, а финский протогород, соответственно, называть колыбелью местной городской духовной культуры. К. Мейнандер пишет: «принято, что если один из критериев указывает на преемственность населения данной области, то она считается доказанной»¹. Проведенное нами исследование обнаруживает в духовной сфере **множество** линий преемственности. И древности Плеса не оставляют никаких сомнений **в решающей роли финского этнокультурного компонента при сложении местной городской духовной культуры.**

Практическое значение проведенного исследования состоит, по мнению автора, в том, что полученные результаты базируются на всей совокупности разнородных источников, которые могли быть привлечены для исследования определенной темы. Опыт комплексного исследования отдельных проблем убеждает в том, что современный уровень науки не позволяет в подобных вопросах оперировать только археологическими или только неархеологическими данными.

С одной стороны, отдавание древней истории на откуп археологам зачастую приводит к эффектным, но искусственным теоретическим построениям,

---

¹ Мейнандер К. Финны – часть населения северо-востока Европы // Финно-угорский сборник. М., 1982. С. 11.

основанным на той или иной категории (или нескольких категориях) вещей, и зачастую способствует появлению теорий в угоду политическим идеям. Примером такого построения, несмотря на многолетнюю культивацию, не имеющего добротного научного обоснования, является тезис о славянской колонизации рассматриваемого региона и об ассимиляции местного населения как культурно менее развитого (для этого как минимум необходимо финскую культуру, предшественницу русской на данной территории, должным образом изучить).

С другой стороны, вещественные источники в современной исторической науке всё более прочно занимают свое достойное место, не позволяя отождествлять собственно историю с изучением только письменных сведений. Они становятся хорошей иллюстрацией, а в ряде случаев и пояснением, к письменным источникам, даже, казалось бы, таким многократно изученным, как «Слово о полку Игореве» или летописные известия о волхвах. Кроме того, для изучения истории Древней Руси материальные свидетельства постепенно становятся единственной регулярно пополняемой источниковой базой. И только их активное привлечение позволит продолжить исследование духовной жизни населения средневекового малого города.